

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (54)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство Эл № ФС77-71754 от 8 декабря 2017 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (54)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Григорьев С.А.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027
E-mail: DeTample@yandex.ru

ДОБЫЧА ОСТАНКОВ МАМОНТОВОЙ ФАУНЫ И ЛОКАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ЯКУТИИ В КОНЦЕ XX в.

Формирование и развитие в арктических районах Якутии в конце XX в. такого нового вида промыслов, как добыча ископаемой мамонтовой кости, наложило заметный отпечаток на жизненный уклад местного населения, занимающегося традиционным хозяйством. Открывшиеся для населения возможности дополнительного дохода и слабый контроль государства в данной сфере создали условия для возникновения особой среды экономических взаимоотношений, что оказало значительное воздействие на социально-экономическое положение коренных народов, проживающих в регионе.

Ключевые слова: коренные народы, Якутия, ископаемая мамонтовая кость, промышленное освоение, конец XX в., арктическая зона, окружающая среда, недروпользование.

Введение

Арктические территории традиционно считаются обладающими почти необъятными запасами природных ресурсов, а добыча ископаемых в северных регионах многие годы служит опорой экономической жизнедеятельности государства. Помимо активной разработки нефтегазовых, угольных, лесных, минеральных и биологических источников, в России в последние десятилетия намечилось увеличение добычи особого рода полезных ископаемых — мамонтовой кости. Это стало возможным благодаря тому, что в 1973 г. ООН была принята Конвенция о международной торговле исчезающими видами фауны и флоры (СИТЕС). В приложении 1 этого документа были перечислены виды, экспорт и импорт которых подпадал под запрет [Конвенция о международной торговле...]. В 1989 г. в этот список был внесен африканский слон, а в 1990 г. принято «Международное соглашение о запрете торговли слоновой костью», что мгновенно спровоцировало рост спроса на ископаемую мамонтовую кость (ИМК) на международном рынке [Смирнов, 2005, с. 256]. Процесс совпал с полномасштабными социально-экономическими преобразованиями в СССР, являвшемся лидером по оценочным запасам ископаемого сырья. Как результат, либерализация экспортных возможностей и формирование «дикого» рынка положили начало так называемому «бивневому буму» в арктических регионах. Стремительный рост цен на ископаемую мамонтовую кость в значительной степени повлиял на жизненный уклад и систему приоритетов в хозяйственной деятельности прежде всего коренного населения северо-востока страны.

По экспертным данным, в северных районах Якутии сосредоточено до 70–80 % общего объема останков мегафауны плейстоценового периода [Смирнов, 2016, с. 66]. Предположительно сегодня ежегодно добывается до 35 тонн ископаемой кости, при этом потенциально в недрах региона может находиться около 450 тыс. тонн данного ресурса [Смирнов, 2005, с. 263]. Добыча бивней нуждается в законодательном урегулировании как на республиканском, так и на федеральном уровне. Власти Якутии на протяжении нескольких лет добиваются либо принятия нового закона «О мамонтовой фауне», либо внесения изменений в федеральный закон «О недрах», который на данный момент регулирует эту сферу. Все это не может не отражаться на жизни и социально-экономической деятельности локальных групп арктического региона РС(Я). Юридическая неопределенность (выраженная в отсутствии специального закона), а также высокая рентабельность данного вида бизнеса создает особые условия для жизнедеятельности местного населения. В связи с этим изучение и определение влияния такого «нового ресурса», как ИМК, на аборигенные сообщества имеет большое научное значение, в том числе для детального понимания последствий его освоения.

Интерес к данной проблеме со стороны научного сообщества проявился относительно недавно. Применительно к теме добычи мамонтовой кости интерес представляют работы А.Н. Смирнова, посвященные проблемам и перспективам освоения ИМК на арктических территориях [1998, 2005, 2016]. Обращает на себя внимание диссертация Н.Д. Кириллина [2011], в которой автор помимо

прочего рассматривает вопросы нормативно-правового регулирования добычи палеонтологических ресурсов и прав коренных малочисленных народов Севера. Также можно отметить диссертационное исследование С.Е. Федорова [2017], посвященное истории научного изучения млекопитающих четвертичного периода в Якутии (XVIII–XX вв.) в контексте развития отечественной палеонтологии. Несмотря на то что С.Е. Федоров основной задачей ставил описание именно научных изысканий ИМК, часть его работы затрагивает и более широкий контекст данной проблемы. В частности, им рассмотрена роль мамонтовой кости в жизни и творчестве коренных народов, а также вкратце дана общая историческая ретроспектива данного явления.

В течение нескольких последних лет стали публиковаться исследования, посвященные истории освоения и культурного восприятия мамонта как элемента природной среды [Arzyutov, 2019; Васильева и др., 2019, 2021; Николаев, 2019]. Также рассматривались вопросы юридического и экономического регулирования сбора и добычи бивней мамонта как вида традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера [Белолобская, 2019; Потравный и др., 2020]. Несмотря на наличие новейшей литературы по различным аспектам влияния ресурсов мамонтовой мегафауны на жизнь коренного населения Севера, эта тема по-прежнему остается малоисследованной. Между тем актуальность, теоретическая и практическая ценность данной темы очевидна.

В данной статье представлен результат исследования истории начала нового этапа освоения особого вида ресурсов — бивней мамонта на севере Якутии в конце XX в. и его влияния на местные сообщества. Арктические районы северо-востока России являются местом проживания коренных народов, значительная часть которых продолжает заниматься традиционным хозяйством. Особое развитие здесь получили оленеводство, охота и рыболовство, во многом сформировавшие современную культуру местного населения и предопределившие уникальную систему жизнедеятельности. В советский период традиционная экономика Севера подверглась значительным трансформациям, пройдя сначала колхозный, а затем и совхозный этап. Эти изменения в значительной степени негативно сказались на этнокультурном развитии коренных народов, но также обеспечили относительную социально-экономическую стабильность и уровень жизни. Именно в этот период в арктических районах Якутии сложилась современная поселенческая структура, являющаяся следствием многолетней государственной политики по переводу коренных народов на оседлый образ жизни. В результате во второй половине XX в. были возведены новые либо расширены уже существовавшие поселения, где сформировалось полиэтничное население, состоящее из представителей малочисленных народов Севера (долган, эвенков, эвенов, чукчей и юкагиров), якутов, русских, а также других этнических групп. За десятилетия совместного сосуществования жители этих сел и поселков взаимодействовали не только в хозяйственном, но и в культурном отношении [Филиппова, 2007]. Нужно добавить, что эти формирующиеся полиэтничные локальные сообщества вели во многом изолированный образ жизни, в силу значительных, в десятки или даже сотни километров, расстояний между населенными пунктами. В конце 1980-х гг. жители именно таких поселений оказались в эпицентре разворачивающегося «бивневого бума».

Целью данного исследования является изучение влияния развития новой отрасли экономики в регионе на местные сообщества, а также освещение последовательности событий, способствовавших этому. Источниками для статьи послужили материалы Национального архива Республики Саха (Якутия), региональных газет, а также правовые и справочные материалы, освещающие этот решающий этап в развитии местных коренных общин. В качестве методологической основы исследования использован исторический метод анализа архивных данных, периодических изданий, юридической и научной литературы, относящихся к теме статьи.

«Бивневый бум» и первые последствия

История добычи останков ископаемой фауны в Якутии насчитывает не одно столетие. Начало активной добычи мамонтового бивня связывается с событиями второй половины XVIII в., когда русские промысловики развернули деятельность по поиску и сбору мамонтовой кости между устьями Хатанги и Анабара, а затем обнаружили ее залежи на Ляховских островах. К концу XVIII в. география поисков распространилась на все побережье Якутии. Имеющиеся данные позволяют говорить об устойчивости объемов добычи мамонтовой кости на протяжении XIX–XX вв. Ежегодно через якутские ярмарки проходило около 1000 пудов мамонтовой кости [Васильева, 2019, с. 94]. После революционных событий 1917 г. рыночный оборот данного ресурса стал постепенно сворачиваться вследствие национализации имущества торговых домов и частных предпринимателей. Тем не менее рынок мамонтовой кости исчез не сразу; по крайней мере, в 1920-х гг. его объем оставался значительным, что видно по хозяйственной переписи Приполярного Севера СССР 1926–1927 гг. По

Добыча останков мамонтовой фауны и локальные сообщества арктических территорий...

этим данным объем добычи мамонтовой кости составлял около 6 тонн в год. Мамонтовая кость стала использоваться в небольшом объеме внутри страны и в основном только для изготовления предметов сувенирного и декоративно-прикладного характера [Николаев, 2019, с. 38].

На протяжении большей части советского периода добыча ИМК в Якутии практически отсутствовала, в силу нерентабельности и недоступности стабильного рынка сбыта. К примеру, объем всей добытой кости до 1979 г. составил всего 10 тонн [Федоров, 2017]. Возрождение интереса к освоению бивня мамонта произошло только в конце 1980-х гг. в связи, как уже указывалось выше, с ужесточением запретов на добычу бивней слонов и сокращением их поголовья в странах Азии и Африки. К тому же именно в этот период происходившие в стране реформы впервые за долгое время предоставили регионам возможности для самостоятельной внешнеэкономической деятельности. Открытие зарубежных рынков сбыта, а также значительный спрос на ИМК подстегнули интерес властей и населения арктических районов к данной, доселе не востребованной у них отрасли и предопределили втягивание в нее значительного числа местных жителей, в том числе из представителей коренных народов, занятых преимущественно в сельскохозяйственной отрасли [«Не публиковать...», 1989; Бивневая лихорадка, 1990; В тундру — за мамонтом, 1990].

Первоначально официальная функция по сбору и реализации палеонтологических останков была возложена правительством Якутии на агропромышленный комбинат (АПК) «Север» — огромное хозяйственное образование, включавшее в себя 13 районных управлений сельского хозяйства Севера Якутии, в том числе 30 совхозов, 8 предприятий республиканского и городского значения. Также в его составе значились объединение «Якутрыбпром» в составе 6 рыбзаводов, рыболовецкий колхоз «Арктика», сувенирная фабрика «Сардаана» в г. Якутске и т.д. [Санникова, 2018, с. 42]. Это объединение предприятий из смежных отраслей хозяйства контролировало экономику всех северных районов Якутии с момента своего формирования в 1988 г. до начала 1990-х гг. Именно в его ведении находились арктические совхозы, на чьих подведомственных территориях залегали основные запасы ИМК.

АПК «Север» начал свою деятельность по освоению данного вида ресурсов только во второй половине 1989 г., когда вышло постановление Совета агропромышленного комбината «Север» от 17 августа 1989 г., где рекомендовалось развернуть работу по созданию при совхозах и рыбзаводах специальных кооперативов, занимающихся добычей природных ресурсов, в том числе «заготовкой мамонтовых бивней» [НА РС(Я). Ф. П — 1500, оп. 1, д. 3, л. 53]. Предполагалось, что добытые местными жителями палеонтологические находки будут сдаваться ими в пункты приема за определенную плату и затем переправляться в г. Якутск, где уже было налажено производство сувениров. В дальнейшем готовую ювелирную и сувенирную продукцию рассчитывали сбывать за рубежом. Так, например, в 1990 г. был заключен контракт на поставку сувениров из мамонтовой кости в Японию [Там же, д. 10, л. 8].

16 февраля 1990 г. постановлением Совета Министров Якутской АССР агропромышленному комбинату «Север» было разрешено не только вести сбор мамонтовых бивней и других палеонтологических образцов, но также принимать их от граждан по установленным ценам. Совхозы, которые входили в АПК и осуществляли эту деятельность, должны были получить специальные разрешения местных районных Советов народных депутатов. Добыча ИМК была разрешена на арктическом побережье, в шельфовой зоне с применением специальной техники и водолазного снаряжения, но при этом запрещалось использование водометной техники для размыва берегов [Там же, д. 3, л. 75]. Таким образом, республиканские власти попытались узаконить и начать хоть как-то регулировать нарождающийся рынок нового вида ресурсов.

Примечательно, что относительно интенсивное освоение ИМК на севере Якутии, по всей видимости, началось несколько раньше, еще на рубеже 1970–1980-х гг. и осуществлялось приезжими старателями из геологоразведочных партий, а также различными предприятиями, кооперативами, частными лицами и даже воинскими частями [Там же]. «Хищнические» методы, применявшиеся при добыче мамонтовой кости, неоднократно вызывали недовольство у местного населения, в итоге отразившееся в нескольких критических публикациях на страницах республиканской прессы [«Не публиковать...», 1989; Бивневая лихорадка, 1990; В тундру — за мамонтом, 1990]. Особой критике подверглась деятельность Приморской партии северного производственного объединения (СПО) «Северкварцсамоцветы», сотрудники которого наладили вывоз найденных останков из Якутии в Ленинград. Нарекания вызывали как юридическое основание проводимых работ, так и собственно методы ленинградцев по добыче ресурса. В 1980-х гг. данное СПО проводило целенаправленные геологоразведочные работы по поиску и добыче ма-

монтовой кости на арктическом побережье. Его поисковые партии действовали в пределах так называемой Североякутской костеносной провинции, куда входили Булунский, Усть-Янский, Аллаиховский и Нижнеколымский административные районы Якутской АССР. В небольшом объеме работы проводились в Чаунском районе Чукотского автономного округа, находившегося тогда в составе Магаданской области. Всего ими было выявлено 17 россыпных месторождений ИМК и проведен подсчет запасов, принятых в итоге на баланс министерства геологии СССР [Смирнов, 2007, с. 25]. На протяжении 1980-х гг. в различные инстанции поступали жалобы о фактах нарушения условий договора между Советом министров ЯАССР и СПО «Северкварцсамоцветы», игнорирования природоохранного законодательства, режима экологии, браконьерства и т.д. В местах производственной деятельности геологических партий широко применялась тяжелая вездеходная гусеничная техника, разрушавшая тундровый покров, активно разрабатывались горные выработки при помощи специальных мотопомп, размывавших многолетнюю мерзлоту, замусоривались бытовыми и техническими отходами значительные территории. Естественно, это не могло не отразиться на хозяйстве местного населения, во многом продолжавшем зависеть от природных биологических ресурсов их среды обитания.

Одним из следствий промышленной разработки ИМК для арктических районов стало сокращение численности некоторых промысловых видов животных. Как указывали специалисты и жители Булунского района, активное использование тяжелой техники на территории Новосибирских островов привело к миграции популяции белого песка — важного источника пушнины для кадровых охотников из совхоза «Таймылырский» [Бивневая лихорадка, 1990]. В Усть-Янском районе Якутии в коллективном письме работников местного совхоза отмечалось, что *«за время работы ленинградцев на побережье моря Лаптевых резко сократилась численность белого песка, горностая, куропатки, лемминга и прочей тундровой живности, которой эвенки кормились испокон веков. Тяжелая гусеничная техника, бездумно применяемая геологами, не только поклевала растительный слой нашей скованной вечной мерзлотой земли, но и уничтожила места норения песцов, птичьих гнездовий, да и попросту распугала чрезвычайно чуткого к внешнему шуму и запаху северного зверя»* [В тундру — за мамонтом, 1990].

Тогда же отмечалось, что истощение охотничьих угодий напрямую отражалось на доходах коренных жителей. Сокращение промысловых ресурсов приводило к невыполнению плановых заданий по заготовке продукции членами совхоза и, как следствие, к невыплате им заработной платы. В результате «под натиском геологов» местные охотники вынуждены были осваивать уже совсем удаленные, слабо исследованные угодья, зачастую с риском для жизни. Отмечались случаи гибели промысловиков, чьи семьи в итоге оставались без кормильцев [Там же]. Еще одним следствием активных геологоразведочных работ по поиску и добыче ИМК стало сокращение территорий, пригодных для выпаса домашних оленей — основы местной экономики. Из-за применения тяжелой гусеничной техники, уничтожавшей ягельный покров в тундре, выводились из обращения значительные площади совхозных пастбищ под кормовую базу, что, в свою очередь, влияло на численность стад, обуславливало рост трудозатрат на их содержание и повседневной нагрузки на оленеводов.

ИМК как экономический фактор

Помимо нанесения непосредственного ущерба экологии и хозяйству арктических районов Якутии расширение добычи ИМК создало сложную ситуацию для населения, оказавшегося включенным в новые, юридически неопределенные экономические отношения. Из-за несоответствия реальной стоимости ресурса официальным закупочным ценам, определявшимся государством, значительная часть местных жителей оказалась втянутой в сферу оборота мамонтовой кости, почти сразу перешедшую на полуполегалное положение. Это было обусловлено прежде всего высокими расценками на «черном рынке». К сожалению, пока не удалось обнаружить каких-либо официальных документов, раскрывающих тарификацию как розничной, так и оптовой стоимости ИМК того периода. В то время уже снизились требования к осуществлению делопроизводства, и это привело к тому, что в архивохранилищах интересующие нас документы сохранились фрагментарно либо полностью отсутствуют. Кроме того, определить существовавшие в то время в нелегальном обороте цены на мамонтовую кость сложно в силу естественной скрытности данной практики. Едва ли не единственным источником информации могут служить отдельные публикации в прессе, относящиеся к интересующей нас проблеме.

Так, в газете «Социалистическая Якутия» от 14 июля 1990 г. начальник отдела промыслов АПК «Север» Б. Мархандаев приводил условия приема и оплаты палеонтологических находок,

Добыча останков мамонтовой фауны и локальные сообщества арктических территорий...

собранных на территориях, отведенных под этот вид экономической деятельности. Согласно его данным, при нахождении целых скелетов и туш мамонтов, обладающих большой научной и коммерческой ценностью, следовало сообщить в ближайший совхоз, который, в свою очередь, должен был вызвать комиссию для определения стоимости находки. Все собранные бивни оценивались по весу и качеству. За первый (высший) сорт (образцы любого цвета без трещин, с твердой плотной сердцевинной) полагалось 100 руб. за 1 кг. Второй сорт стоил 80 руб. за 1 кг, в этом случае образец мог иметь продольную трещину, но не более чем на одну треть бивня. Третий и четвертый сорта — 50 и 30 руб. соответственно [Ищите мамонтовую кость, 1990]. Примечательно, что уже через неделю вышел новый прейскурант закупочных цен, выполненный в соответствии со стандартом, утвержденным Советом министров ЯАССР, хотя до этого цену определял непосредственно АПК «Север». Согласно новому прейскуранту, цены на ИМК были значительно снижены, а требования к качеству, наоборот, повышены. Теперь официальный тариф за 1 кг мамонтовой кости высшего сорта составлял 70 руб., первого — 56 руб., второго и третьего — 35 и 21 руб. соответственно [Ищите мамонтовую кость, 1990].

Вполне естественно, что реальная стоимость ИМК на «черном рынке» была значительно выше, чем установленные властями республики закупочные цены. Предполагалось, что она могла достигать от 100 до 150 руб. за килограмм. Широко были распространены истории наподобие той, что как-то одному из местных жителей предлагали 30 тыс. руб. за 100 кг бивня. Существовали прецеденты и прямого обмена ИМК на импортную электронику [Контрабандный мамонт, 1991]. Таким образом, к началу 1990-х гг. на севере Якутии сложилась необычная ситуация, когда на смену старым, но еще действующим порядкам, выражающимся в полном контроле государства над местной экономикой, приходили новые правила и установки неконтролируемого рынка. Ископаемые костные останки палеонтологических животных, прежде всего мамонта, неожиданно стали весьма ценным и ликвидным ресурсом, что не могло не отразиться на местном населении, видевшем в ИМК дополнительный источник доходов.

Следует отметить, что данный процесс происходил в период глубокого социально-экономического кризиса. Сложная ситуация, сохранявшаяся на протяжении 1990-х гг., послужила причиной упадка всего сельскохозяйственного и промышленного комплекса Якутии. Общая нестабильность привела к серьезным деформациям сельской экономики, являющейся сферой традиционной деятельности коренного населения. Сократилось финансирование государством сельскохозяйственных и оленеводческо-промысловых хозяйств, нарушились производственные связи. В результате резко упали производственные показатели традиционных хозяйств, что, в свою очередь, привело к снижению уровня и качества жизни местного населения, росту безработицы, уменьшению покупательной способности.

Закрытие промышленных, транспортных и строительных предприятий обусловило свертывание и деградацию рабочих поселений, а это подрывало установившийся внутренний рынок оленеводческой продукции и промыслов, на который было ориентировано местное население. Эти обстоятельства естественно предопределили интерес жителей арктических районов Якутии к освоению нового ресурса. Зачастую такой способ заработка был единственным обеспечивающим реальный доход на этих территориях в первые постсоветские годы.

Развал СССР и последующая федерализация в России в начале 1990-х гг. предоставили регионам значительную автономию в разработке и принятии собственного законодательства, регулирующего их внутреннюю жизнь. Для Якутии, с ее значительными запасами полезных ископаемых, правовой контроль над этим важнейшим источником доходов являлся приоритетной задачей. Не был обойден вниманием и такой вид деятельности, как сбор мамонтовых бивней и других палеонтологических находок. В разные годы в республике был принят ряд нормативно-правовых документов по сбору и добыче ИМК, в частности указы Президента Республики Саха (Якутия) «О неотложных мерах по охране, сбору, закупке и использованию бивней мамонта и других остатков мамонтовой фауны на территории Республики Саха (Якутия)» [О неотложных мерах...] и «Об особом статусе природных ресурсов — ископаемых остатков мамонтовой фауны и регулировании их оборота на территории Республики Саха (Якутия)» [Об особом статусе...], а также закон «О регулировании пользования и распоряжения особым природным ресурсом — ископаемыми остатками мамонтовой фауны» [О регулировании пользования...]. Местные власти принимали и другие меры по контролю и регулированию добычи ИМК. Так, в начале 1990-х гг. по их инициативе был создан Национальный мамонтовый фонд, куда должны были доставляться все найденные на территории республики останки мамонтовой фауны, а в 1991 г. в Якутске был открыт Всемирный музей мамонта [Белолюбская, 2019, с. 7].

Указанные меры способствовали установлению нового порядка в обороте ИМК и демонстрировали стремление республиканских властей к государственной монополизации данной сферы. В частности, в 1992 г. в соответствии с указом «О мерах по сохранению природных комплексов Новосибирских островов» ограничивалась деятельность всех сторонних геологических организаций на островах и приморских территориях Якутии [Смирнов, 2007, с. 25]. В том числе была приостановлена работа и уже упомянутого СПО «Северкварцсамоцветы», чья активность вызывала множество нареканий в предыдущие годы.

В принятом 17 июля 1992 г. указе № 199 «О неотложных мерах по охране, сбору, закупке и использованию бивней мамонта и других остатков мамонтовой фауны на территории Республики Саха (Якутия)» утверждалось, что отпуск бивней из Национального мамонтового фонда мог производиться с разрешения правительства только специализированным организациям и предприятиям, а также гражданам, занимающимся традиционными промыслами. Главы муниципальных образований обязаны были уведомлять Всемирный музей мамонта о находках мамонтовых останков. Более того, все коллекции и экспонаты мамонтовой фауны, хранящиеся в государственных учреждениях, объявлялись государственной собственностью республики [О неотложных мерах...].

Вводимые республиканскими властями ограничения значительно повлияли на добычу ископаемой кости в арктических районах Якутии. В конечном счете это привело к почти полному вытеснению старателей из других регионов местными «охотниками за бивнями», в том числе представителями коренных народов Севера, чьи родовые общины также занимались поиском и реализацией ИМК. В настоящее время не обнаружено каких-либо опубликованных источников о состоянии данной отрасли в 1990-е гг., о ее масштабах могут говорить лишь косвенные данные, основанные на оценках объемов добычи в начале XXI в., когда формировалась новая нормативно-правовая система по регулированию использования ископаемой мамонтовой кости. По данным Госкомгеологии Якутии, в 2002 г. в республике действовали около 30 недропользователей преимущественно малых форм хозяйствования: общества с ограниченной ответственностью, сельскохозяйственные кооперативы, родовые кочевые общины малочисленных народов Севера и индивидуальные предприниматели. Всего же в арктических районах добывалось 25–35 тонн мамонтового бивня в год [Кириллин, 2009, с. 61], и, по неподтвержденным данным, в 1990-е гг. большая часть местного сельского населения (за исключением крупных промышленных поселков) так или иначе была связана с данным видом промысла. По образному выражению одного из жителей в беседе с автором этих строк, «*в то время мамонтовые бивни лежали в каждом сарае*».

Заключение

Ситуация, сложившаяся в северной Якутии в конце XX в., имела во многом уникальный характер. Почти одновременно в силу объективных причин до того ничем не примечательный и не вызывавший интереса объект природного происхождения стал восприниматься как ценный, востребованный ресурс. Появившийся в мире спрос на ИМК и одновременное снятие изоляции на внешние контакты в Советском Союзе стимулировали стремительное развитие принципиально иной структуры социальных и хозяйственных отношений. Естественно, что это в значительной степени влияло на положение аборигенных сообществ: в районах их традиционной жизнедеятельности развернулся интенсивный промысел, несший для них как реальные экологические и социальные угрозы, так и новые возможности. Открывшиеся перспективы, наряду с неготовностью государства регулировать складывающийся «дикий» рынок ИМК, создали условия для возникновения особой среды экономических взаимоотношений, охвативших арктические районы Якутии. Этот почти не учитываемый фактор, несомненно, оказал значительное воздействие на социальное самочувствие коренных народов региона в конце XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белолюбская Г.С. Правовое регулирование сбора останков мамонтовой фауны в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Юридические исследования. 2019. № 12. С. 1–11. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2019.12.31697>

Васильева О.В. Добыча мамонтовой кости в контексте взаимоотношений торгового капитала и коренного населения (XIX–XX вв.) // Общество: философия, история, культура. 2019. № 12. С. 92–98. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.12.16>

Васильева О.В., Кузьмина А.А., Федорова А.Р. Воображение Севера в контексте освоения природной среды: Мамонт в мифологических представлениях якутов // Научный диалог. 2021. № 1. С. 194–210. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-194-210>

Добыча останков мамонтовой фауны и локальные сообщества арктических территорий...

- Кириллин Н.Д.* Ископаемая мамонтовая кость особый геокриогенный природный ресурс // Всероссийский экономический журнал «ЭКО». 2009. Т. 2. № 8. С. 55–63.
- Николаев Д.А.* Из истории торговли мамонтовой костью в Якутии (XIX — нач. XX в.) // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2019. № 4. С. 35–39.
- Потравный И.М., Протопопов А.В., Гассий В.В.* Добыча бивней мамонта как вид традиционного природопользования // Арктика: Экология и экономика. 2020. № 1 (37). С. 109–121. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-1-109-121>
- Санникова Я.М.* Традиционное хозяйство Якутии и АПК «Север»: организационно-управленческие решения второй половины 1980-х — 1991 г. // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 42–55. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.33.40>
- Смирнов А.Н.* Мамонтовая кость — россыпное полезное ископаемое арктической области России // Минеральные ресурсы России: Экономика и управление. 1998. № 2. С. 16–20.
- Смирнов А.Н.* Ископаемая мамонтовая кость: Проблемы и перспективы изучения и освоения ресурсного потенциала в Российской Арктике // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2005. Т. 5. № 13. С. 255–265.
- Смирнов А.Н.* Ресурсный потенциал ископаемой мамонтовой кости в российской Арктике // Минеральные ресурсы России. 2007. № 4. С. 21–29.
- Смирнов А.Н., Кириллин Н.Д., Иванова Ю.В., Журилова М.А.* Забытое полезное ископаемое российской Арктики — мамонтовая кость // Арктика: Экология и экономика. № 1 (21). 2016. С. 66–75.
- Филлипова В.В.* Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: Вторая половина XX в. Новосибирск: Наука, 2007. 176 с.
- Arzyutov D.V.* Environmental encounters: Woolly mammoth, indigenous communities and metropolitan scientists in the Soviet Arctic // Polar Record. 2019. № 55. P. 142–153. <https://doi.org/10.1017/S0032247419000299>

ИСТОЧНИКИ

- Бивневая лихорадка* // Маяк Арктики. 1990. 4 янв.
- В тундру — за мамонтом* // Мирнинский рабочий. 1990. 26 июля.
- Ищите мамонтовую кость* // Социалистическая Якутия. 1990. 14 июля.
- «Ищите мамонтовую кость»* // Социалистическая Якутия. 1990. 21 июля.
- Кириллин Н.Д.* Методологические основы рационального пользования особым геокриогенным минеральным ресурсом — ископаемой мамонтовой костью: Дис. ... канд. геол.-минер. наук. М., 2011. 184 с.
- Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения* // Организация Объединенных наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cites.shtml (дата обращения 19.10.2019).
- Контрабандный мамонт* // Социалистическая Якутия. 1991. 9 янв.
- НА РС (Я) Ф. П — 1500. Оп. 1. Д. 3, 10.
- «Не публиковать в периодической печати»* // Социалистическая Якутия. 1989. 4 июня.
- О неотложных мерах по охране, сбору, закупке и использованию бивней мамонта и других остатков мамонтовой фауны на территории Республики Саха (Якутия): Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 17 июля 1992 г. № 199 [Электронный ресурс]* // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/802022903> (дата обращения: 23.04.2021).
- Об особом статусе природных ресурсов — ископаемых остатков мамонтовой фауны и регулировании их оборота на территории Республики Саха (Якутия): Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 30 марта 2005 г. № 2044 [Электронный ресурс]* // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/802030236> (дата обращения: 23.04.2021).
- О регулировании пользования и распоряжения особым природным ресурсом — ископаемыми остатками мамонтовой фауны: Закон Республики Саха (Якутия) от 16 июня 2005 г. № 250-3 N 507-III [Электронный ресурс]* // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/802046362> (дата обращения: 23.04.2021).
- Федоров С.Е.* История исследований млекопитающих четвертичного периода в Якутии: XVIII–XX вв.: Дис. ... канд. биол. наук. Якутск, 2017. 245 с.

Grigorev S.A.

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the RAS
Petrovskogo st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation
E-mail: DeTample@yandex.ru

Extraction of remains of the mammoth fauna and local communities of the Arctic territories of Yakutia at the end of the 20th century

Studying the consequences of exploitation of indigenous territories is an urgent topic of modern science. This study presents the result of the research on the history of the development of a special type of resources — mammoth tusks in northern Yakutia. The paper is aimed at the analysis of impact of the new sector of the economy in the region on the local communities. It was also important to identify the sequence of the events that

facilitated this development. The methodological basis of the study is represented by the historical method of analyzing archival data, periodicals, and legal and scientific literature on this subject. Sources for the paper included materials from the National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia), regional periodicals, as well as legal and reference materials covering this crucial stage in the development of the local indigenous communities. Despite the fact that extraction of fossil mammoth bone has been carried out for a long time, its active development began only at the end of the 20th century. The formation and progress of such a new type of mining activity has left a special impression on the development of the local population engaged in the traditional farming. Opportunities and the weak state control in this area have created favorable conditions for the emergence of a special environment for economic relations. This has had a significant impact on social well-being of the local indigenous peoples. During this period, a special situation developed when, due to objective reasons, mammoth tusks turned from an object of natural origin that did not cause any interest into a valuable, highly sought resource. The growing global demand for mammoth remains and the removal of barriers for external contacts in the Soviet Union stimulated the rapid development of the fundamentally different structure of socio-economic relations in the Arctic zone. As a result, this situation greatly influenced the state of the local indigenous communities. The areas of their traditional living became a territory of intensive development of “new resources”, which brought about real environmental and social threats, but also new opportunities. The new prospects, as well as the state unreadiness to regulate the emerging market of “wild” mammoth bone, created all conditions for the emergence of a special area of economic relations spanning the Arctic regions of Yakutia. This almost neglected factor undoubtedly had significant impact on the social well-being of the indigenous peoples living in the region at the end of the 20th century.

Keywords: indigenous peoples, Yakutia, fossil mammoth bone, industrial development, late 20th century, Arctic zone, environment, subsoil use.

REFERENCES

- Arzyutov, D.V. (2019). Environmental encounters: Woolly mammoth, indigenous communities and metropolitan scientists in the Soviet Arctic. *Polar Record*, (55), 142–153. <https://doi.org/10.1017/S0032247419000299>
- Beloliubskaya, G.S. (2019). Legal Regulation of Collection of Mammoth Fossils Remains in the Russian Federation. *Yuridicheskie issledovaniia*, (12), 1–11. (Rus.). <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2019.12.31697>
- Filippova, V.V. (2007). *Indigenous People of Yakutia in the changing living space: the second half of the twentieth century*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kirillin, N.D. (2009). Fossil mammoth bone is a special geocryogenic natural resource. *Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal «EKO»*, (8), 55–63. (Rus.).
- Nikolaev, D.A. (2019). The History of the Mammoth Bone Trade in Yakutia (in the XIX — early XX Centuries). *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, (4), 35–39. (Rus.).
- Potravnny, I.M., Protopopov, A.V., Gassiy, V.V. (2020). Mammoth tusks getting as a type of traditional nature management. *Arctic: Ecology and Economy*, (1), 109–121. (Rus.). <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-1-109-121>.
- Sannikova, Y.M. (2018). Traditional economy of Yakutia and AIC "Sever": organizational and managerial decisions of the second half of the 1980s — 1991. *Arktika i Sever*, (33), 42–55. (Rus.). <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.33.40>
- Smirnov, A.N. (1998). Mammoth bone — an alluvial mineral resource in the Arctic region of Russia. *Mineral'nye resursy Rossii. Ekonomika i upravlenie*, (2), 16–22. (Rus.).
- Smirnov, A.N. (2005). Fossil mammoth bone: Problems and prospects for the study and development of resource potential in the Russian Arctic. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, (13), 255–265. (Rus.).
- Smirnov, A.N. (2007). Resource potential of fossil mammoth bone in the Russian Arctic. *Mineral'nye resursy Rossii*, (4), 21–29. (Rus.).
- Smirnov, A.N., Kirillin, N.D., Ivanova, Iu.V., Zhurilova, M.A. (2016). Mammoth Bone — Forgotten Mineral Resources of the Russian Arctic. *Arktika: Ekologiya i ekonomika*, (1), 66–75. (Rus.).
- Vasileva, O.V. (2019). Mammoth tusk mining industry in the context of interaction of trade capital and indigenous population (19th and 20th centuries). *Obshchestvo: Filosofiya, istoriya, kul'tura*, (12), 92–98. (Rus.). <https://doi.org/10.24158/fik.2019.12.16>
- Vasilyeva, O.V., Kuzmina, A.A., Fedorova, A.R. (2021). Imagination of the North in Context of Development of Natural Environment: Mammoth in Mythological Representations of Yakuts. *Nauchnyi dialog*, (1), 194–210. (Rus.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-194-210>

Григорьев С.А., <https://orcid.org/0000-0001-9365-0122>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021